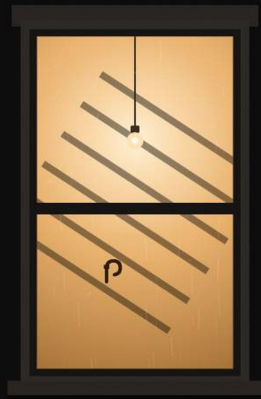
ТЕНИ НАД ГРЕЙСХОЛМОМ

нуар

ЛУШЧЕВ МАРК

Марк Лучшев

Тени над Грейсхолмом

https://litres.ru/74786444
SelfPub; 2026

Аннотация

Грейсхолм, 1979. Спринтер бежит быстрее, чем должен. Докер угадывает время финиша двенадцать раз подряд. Частный детектив Рой Деккер ищет допинг — и находит город, где всё подключено к чужой линии.

Нуар о ставках, проводах, чужих пальто, любви, которой не дали времени, и правде, за которую платят не деньгами.

Марк Лучшев
Тени над Грейсхолмом

ТЕНИ НАД ГРЕЙСХОЛМОМ

нуар

Лушчев Марк

Блокнот Роя Деккера, собранный Клэр Эллисон

* * *

ПРОЛОГ

Первое, что я делаю в чужом помещении, — смотрю, откуда идёт провод.

Не выходы, не оружие, не лица. Провод. Четыре года я таскал кабель под палубами на Грейсхолмской верфи, и с тех пор у меня осталось это: прежде чем понять, что за комната, я понимаю, чем она питается. Где щиток. Где скрутка. Где кто-то врезался в чужую линию и замотал изолентой, потому что рассчитывал, что никто не полезет.

Люди врут складно. Провода врут плохо.

Мастером у меня был Харри Бэнкс. Он говорил: «Деккер, у тебя руки хорошие, а голова лишняя». Он умер в семьдесят шестом, и на похоронах было четыре человека, и я тогда впервые подумал, что человека измеряют не тем, что он сделал, а тем, кто пришёл.

Грейсхолм был сшит проводами, как старая рана — криво, поверх, кое-как. Сталелитейный на востоке, порт на севере, верфь на реке, дождь со всех сторон. Город, где ржавчина съедает машину за две зимы, а чужие секреты держатся по сорок лет. Тридцать из них ушли на войну двух частных контор. «Чёрный Пёс» — грязные руки, разбитые костяшки, работа за наличные. «Белый Лист» — бумаги, связи, тихие разговоры при закрытых дверях. Война шла без выстрелов. Просто два агентства тридцать лет делили город, который не хотел делиться.

Я пришёл в «Чёрный Пёс» в тридцать один, когда на весь Грейсхолм не хватало глаз на количество теней. Физику сдал с запасом, без блеска. Психологию и логику — так, что кадровик дважды переспросил, точно ли я раньше тянул кабель, а не людей за язык.

Отец сказал: лодырь. Он сорок лет простоял у мартена,

мать столько же мыла полы в муниципальной больнице, и в их картине мира сын, ушедший с верфи, был не смелым, а бракованным. Я на них не злился. Так думала не семья. Так думала эпоха, в которой их вырастили, а спорить с ней — всё равно что спорить с погодой. Я приезжал по воскресеньям, привозил матери кофе, отцу — ничего, потому что он ничего не принимал, и мы полтора часа сидели перед телевизором, который никто не смотрел.

Друзей у меня был один. Лукас Морроу, диспетчер в аэропорту Грейсхолм-Уэст, человек, который знает расписание чужих жизней лучше, чем свою. Мы созванивались по средам, всегда после девяти вечера, когда у него спадала смена. Он рассказывал, кто прилетел, я — ничего. Его это устраивало. Он единственный понимал, что молчание бывает не пустым, а плотным.

Начальником участка был лейтенант Даррен Кроу. Он не садился, когда можно было стоять, и не повторял дважды. Я тогда решил, что знаю про него всё: сорок девять лет, бросил курить в шестидесятых, помнит имена всех погибших офицеров и носит цветы на могилы тех, кого больше никто не помнит. Вдовам он подкладывал конверты так, чтобы никто не видел.

Я видел. Один раз, в феврале, из коридора. И промолчал

— потому что уважение в Грейсхолме зарабатывают именно так.

В тот же день я заметил у него на столе конверт из клиники «Сент-Агнес». Частной. Той, где койка стоила больше, чем лейтенант получал за квартал. У него была больна жена, и я подумал: значит, занял. Хороший человек, значит, занял.

Я был отличным детективом и полным идиотом.

Про любовь я тогда думал коротко: мешает. В конторе работала бухгалтер, мисс Эллисон, которая вела наши счета и умела одним взглядом остановить пьяного клиента в дверях, и я старательно не думал о ней вообще. Получалось скверно. В журнале жалованья она подписывалась «К. Эллисон», и я поймал себя на том, что уже месяц пытаюсь угадать, что такое «К». Я записал в блокноте «не сейчас» и подчеркнул дважды — как подчёркивают то, во что не верят.

Курить я бросил годом раньше. Сигареты носил. Держал в зубах незажжённую «Лаки Страйк», потому что рукам нужно чем-то заниматься, пока голова считает, и потому что незажжённая сигарета — единственная вещь в этом городе, которая ничего от тебя не хочет.

В первый день я достал блокнот в кожаной обложке, тот,

что потом прожил со мной всё остальное, и вывел на первой странице три правила. Аккуратно, как чертёж:

> *Не опаздывать.*
>
> *Не приходить один.*
>
> *Не верить никому — пока не услышишь всё.*

Первое я нарушил в тот же день.

Третье нарушил не я.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОПУСК

Сентябрь — ноябрь 1979

ГЛАВА 1. СПОРТСМЕН

Среда, 12 сентября 1979

«Чёрный Пёс» помещался в участке.

Не в переносном смысле. Физически. В бывшем архивном

крыле участка на Кэнон-стрит, за фанерной перегородкой с дверью, которую покрасили в шестьдесят первом и с тех пор не открывали до конца, потому что она разбухала. В шестьдесят первом мэр подписал частному агентству бессрочную аренду муниципального помещения за один фунт в год, чтобы досадить тогдашнему начальнику полиции. Мэр умер в шестьдесят восьмом, начальник полиции — в семьдесят втором, а аренда осталась. Городской юрист сказал, что расторгнуть её нельзя, не признав подпись мэра недействительной, а признать подпись мэра недействительной — значит поставить под сомнение ещё двести сорок документов, включая канализацию в Верхнем Брике.

Так мы и жили: частные детективы сидели внутри полиции, как заноза, которую врачи постановили считать костью.

Кроу это ненавидел. Каждое утро он проходил мимо нашей двери и каждый раз смотрел на неё чуть дольше, чем нужно.

По утрам в участке был развод патрулей. Кто на смену, кто в каком районе, кто чей тыл прикрывает. Детективам там ловить нечего, и я обычно опаздывал — из принципа и из вредности. В то утро я опоздал на восемь минут.

Кроу заметил меня, конечно. Он замечал всё, что входило

в помещение, включая сквозняк.

Он стоял, а не сидел — он всегда стоял, — и раздавал районы, как раздают хлеб: без выражения, никому не глядя в глаза, чтобы никто не подумал, что ему досталось больше. Голос низкий, с хрипотцой человека, который бросил курить пятнадцать лет назад и до сих пор считает это личной неудачей. Когда он говорил «Ривервью — Хейл, каждые два часа», никто не переспрашивал. Не потому что боялись. Потому что он не повторял.

На стене за его спиной висел плакат «Порядок начинается с тебя», выцветший до цвета слабого чая, с пятнами и припиской маркером: «А заканчивается в баре». Приписка была там уже три года. Кроу её видел каждый день. Это говорило о нём больше, чем весь плакат.

Через полчаса он распустил всех и, не поворачивая головы, сказал:

— Деккер. Останься.

Я сел в кресло напротив. Он остался стоять.

— Есть дело. Хочешь — расскажу, хочешь — прочитай у себя.

— Я весь во внимании.

— Не будь. — Он положил передо мной тонкую папку. — Легкоатлет. Спринтер, сотня. Слухи по допингу идут с весны. Анализы чистые. Три раза.

— Значит, анализы врут.

— Значит, анализы делают люди. — Он помолчал. — Мне это не нравится не из-за спорта, Деккер. Мне это не нравится из-за денег. Там, где мальчик вдруг начинает бегать быстрее Бога, у кого-то в кассе становится тепло.

— Кто заказчик?

— Никто. — Кроу наконец посмотрел на меня. — Письма. Анонимно, в две конторы. В твою и в «Белый Лист».

— В обе?

— В обе.

Я перевернул конверт, лежавший сверху. Простая бумага, машинка с изношенной «е», штемпель городской почты, без обратного адреса.

— Кто быстрее — тому и контракт?

— Мне плевать, кто быстрее. — Он сказал это ровно, но я услышал, что он врёт, и не стал уточнять, потому что Кроу врал только тогда, когда ему было страшно, а ему было страшно редко. — Мне не плевать, чтобы никто не полез туда один и не остался там. Ты меня понял?

— Понял.

— Патрульные приедут, если скажешь. Хейл. Запомни фамилию, а не «участок». — Он уже отворачивался к окну. — И, Деккер. Не строй из себя героя. Герои у меня в списке, который я ношу в кармане и читаю раз в год.

Я встал. У двери обернулся.

На краю его стола, под пресс-папье из старого подшипника, лежал конверт с логотипом: голубая арка и надпись «Клиника Сент-Агнес. Отделение пульмонологии». Я знал, что у Кроу больна жена. Я знал, что Сент-Агнес — это двенадцать фунтов в сутки, а лейтенант получал шестьдесят восемь в месяц.

Я подумал: занял.

Я запомнил конверт — не потому что подозревал, а потому что запоминаю всё, что лежит не на своём месте. Это профессиональное. Иногда это помогает. Иногда это убивает.

* * *

За своей дверью, в комнате, где пахло остывшим чаем и мокрым картоном, я раскрыл досье.

> **Кайлен Дарк. 28 лет. Спринт, 100 метров.**
>
> Проживание: «Середина» — район, где ни бедные, ни богатые, где занавески меняют раз в пять лет.
>
> Начало карьеры: 43 старта, 9 побед. Время — от 10.6 до 10.8.
>
> С апреля 1979: 87 стартов, включая предварительные, 85 побед. Время — от 10.2 до 10.4.
>
> Проживание с июня: «Верхний Брик». Охрана. Три спорткара. Полдюжины девушек в светской хронике, из которых ни одна не названа по имени.

Я разложил листы веером, как раскладывают карты, когда

ищут не ту, что нужна, а ту, которой быть не должно.

Она нашлась третьей с конца.

Ксерокопия письма на имя директора тренировочной базы «Скорость и Честь». Благодарность за содействие в развитии юношеского спорта. Оплата ремонта раздевалок и замены осветительных установок на городском стадионе Кингсфилд.

Бланк: **«ФЕНИКС СПОРТ ИНВЕСТ»**. Внизу — адрес в Верхнем Брике и телефон.

Я выписал название и номер в блокнот и подчеркнул номер. Не название. Номер. Названия меняют, номера остаются.

Потом я достал сигарету, вставил в угол рта, не зажигая, и просидел так минут пять.

Никому не нужный парень вдруг начинает выигрывать всё. На этом можно поднять состояние — но не на победах. На победах поднимают те, кто не знает ничего. Знающие поднимают на времени.

Остаются вопросы, и я записал их столбиком, потому что

столбик честнее головы:

> *Кто платит?*
>
> *Что вводят?*
>
> *Как проводят анализы?*
>
> *Кто знает время до старта?*

Про «что» я тогда думал в рамках своего времени: анаболики, гормоны, переливание крови — про него в порту говорили шёпотом с семьдесят второго, и никто не мог доказать. Тест на тестостерон никто в мире ещё не умел делать. В семьдесят девятом можно было колоть что угодно и потом мочиться в баночку с честным лицом.

Но правильный вопрос был четвёртый. Я его записал последним и не понял, что записал первым.

* * *

Центральное бюро спортивных ставок, приёмный пункт номер четыре, стояло на Милл-роуд между мастерской по ремонту замков и магазином, который торговал одновременно обоями и рыбой. Вывеска выцвела так, что «Грейсхолм»

читалось как «Грейсхол».

Внутри пахло кофе, старой бумагой и тем особым терпением, которое бывает у людей, стоящих в очереди с бумажкой, на которой написана их надежда. У стены — стойка, за стойкой — девушка лет двадцати пяти, аккуратная причёска, взгляд человека, который перестал удивляться примерно в двадцать три. На бейдже: «Д. Лэнг».

За её спиной, в глубине, двое мужчин в жилетах вручную переписывали купоны в гроссбухи. Каждый купон проходил штамп: дата, час, минута. Штампы стучали вразнобой, как дождь по жестяному карнизу.

— Здравствуйте, мисс. — Я снял шляпу.

— Здравствуйте. Ставка?

— Нет. Я этим не увлекаюсь. — Я положил на стойку удостоверение. — Рой Деккер, «Чёрный Пёс». Мне нужны записи по ставкам на Кайлена Дарка. Три года. Особенно весна семьдесят девятого.

Она посмотрела на удостоверение. Не моргнула. Потом перевернула его и прочитала номер на обороте — то есть проверила, а не испугалась. Это было хорошо.

— Инструкция четырнадцать, — сказала она. — Клиентские записи выдаются по запросу суда или по письменному согласию клиента. Удостоверение частного агентства — не запрос суда.

— Я знаю четырнадцатую инструкцию.

— Тогда вы знаете, что я не могу.

— Вы не можете или не хотите?

Она чуть подняла подбородок.

— Мне двадцать пять, мистер Деккер, я работаю здесь четвёртый год, и у меня мама на Тарн-стрит. Я не могу.

Это был хороший ответ. Честный и полный. Я его запомнил целиком, включая маму.

Я попробовал ещё раз — не давить, а обойти:

— Мне не нужны имена. Мне нужна статистика. Обезличенная.

— Обезличенной у нас нет. Всё вручную. — Она сказала

это без гордости, как говорят про погоду. — Хотите обезличенное — это в федерацию, через запрос, шесть недель.

Я кивнул и достал сигарету, но не стал вставлять в зубы: в помещении с очередью это выглядит как хамство.

И тогда я увидел телефон.

На стойке стоял аппарат — обычный, чёрный, с диском, потёртый до серого на циферблате. А под стойкой, сбоку, куда я заглянул, когда наклонился за удостоверением, шёл второй провод. Свежий. Светлый, ещё не тронутый копотью, с новыми хомутами, и уходил он не в стену, где уходили все провода бюро, а вниз, в плинтус, и дальше — куда-то в сторону подсобки.

Аппарата на нём я не видел. Только провод.

Я тогда подумал: подрядчик экономит, тянет вторую линию для кассы.

Я четыре года тянул кабель под палубами. Мне следовало понять сразу. Но человек видит только то, для чего у него уже есть слово, а слова у меня ещё не было.

— Спасибо, мисс Лэнг, — сказал я. — Вы очень помогли.

— Я вам ничего не дала.

— Вы дали инструкцию четырнадцать. Это больше, чем ничего.

Она чуть улыбнулась — впервые, углом рта, — и сразу убрала улыбку, как убирают со стола лишнюю ложку.

* * *

Он стоял у тротуара, чёрный «Олдсмобиль», длинный, как баржа, вымытый до неприличия в городе, где мыть машину — это признание в том, что тебе нечего делать.

Эдриан Вейл сидел за рулём с открытой дверцей и одной ногой на асфальте. Тёмно-серый тренч, белая рубашка, галстук ослаблен ровно на палец — знак, что день кончается, но контроль нет. Тонкие очки в металлической оправе, за стёклами — глаза цвета старого янтаря, тёплые в разговоре и холодные в работе. Он снял очки, когда я подошёл, и это было единственной уступкой, которую он делал людям: давал увидеть глаза, чтобы им казалось, будто они видят его.

В конторе его звали Граф. Прозвище прилипло в шестьдесят девятом, когда «Белый Лист» взял дело о наследстве

и Вейл три недели ездил к вдове на «роллс-ройсе», взятом в аренду, потому что вдова не открывала людям, приезжающим на «фордах». Дело он выиграл. Прозвище осталось. Он делал вид, что оно ему неприятно. Ему оно нравилось.

— Граф, — сказал я, опираясь на дверцу. — Ты чего тут сидишь?

— Жду тебя.

— Зачем?

— Хотел посмотреть на твоё лицо, когда ты выйдешь. — Он сложил очки в футляр, щелчок был очень тихий. — Ты вышел с пустыми руками. У тебя особое выражение при этом. Как у человека, который заплатил за пиво и обнаружил, что это квас.

— Тебе дали?

— Мне дали.

— Как?

— Я не задаю вопросов, на которые знаю ответ. Я задаю вопросы, на которые знаю, кто ответит. — Он посмотрел на

меня без всякого торжества, и это было хуже торжества. — Ты пошёл к стойке. К стойке ходят все.

Мы помолчали. Мимо проехал грузовик с трубами, и на секунду стало нельзя говорить.

— Мы виделись на прошлой неделе, — сказал я. — На похоронах того бухгалтера из порта.

— Уоллис. — Вейл кивнул. — Сорок один год. Утонул в старом доке, где воды по колено.

— Ты был на похоронах. Я думал, ты не ходишь на похороны.

— Я хожу на те, где стоят люди, которых я хочу видеть. — Он сказал это ровно, но что-то в голосе было не то, и я тогда это отметил и не додумал. — Уоллис вёл портовые накладные. Он был очень аккуратный человек, Рой. Аккуратные люди не тонут в воде по колено.

— Ты что-то знаешь.

— Я ничего не знаю. Я всё подозреваю. Это разные профессии. — Он завёл мотор; «олдсмобиль» уркнул так, что стало ясно, почему он его купил. — Если что — ты знаешь

мой номер.

— Знаю.

— И, Рой. — Он посмотрел прямо. — Не ходи к людям вечером. Вечером они говорят правду, а потом за это платят.

Он уехал, оставив за собой выхлоп и лёгкое эхо разговора, которое я потом вспоминал много раз.

* * *

Я позвонил Лукасу из автомата на углу, вставив четыре пенса, хотя среда ещё не кончилась и звонить было рано.

— Деккер! — Он всегда орал в трубку, потому что двадцать лет привык перекрикивать двигатели. — Ты чего в шесть звонишь, у меня борт на посадке!

— Как жизнь?

— Отвратительно. Чартеры. — Он зашуршал бумагой. — Знаешь, что меня бесит? Раньше чартер был праздник. Прилетел, разгрузил, выпил с пилотом. Теперь три ночи в неделю в два сорок садится одна и та же машина, и у неё в накладной «спортивный инвентарь».

— Куда летает?

— Туда — Женева, обратно — ящики. Пилоты не разговаривают. Понимаешь? Пилоты всегда разговаривают, это профессия такая. А эти — нет.

Я поставил локоть на автомат и посмотрел на улицу. Дождь начинался — не падал, а висел.

— Номер борта запомнишь?

— Я его наизусть знаю, я его во сне вижу. — Он продиктовал. Я записал на обороте бензиновой квитанции, потому что блокнот был в машине, и потом полгода таскал этот клочок в бумажнике, пока чернила не стёрлись. — Рой. Ты во что влез?

— В спорт.

— В спорт, — сказал Лукас. — Ну конечно. В спорт.

Он помолчал в трубку — у него на фоне взревел двигатель, и я представил его лицо, освещённое зелёным экраном, и подумал, что вот это, пожалуй, единственное место в Грейсхолме, где я расслабляю плечи.

— Ты в воскресенье приедешь? — спросил он. — Я жарю мясо. У меня получилось в прошлый раз.

— Постараюсь.

— Не старайся. Приезжай.

Я положил трубку, сел в «кортину» и поехал обратно на Кэнон-стрит. Дворники шли медленно, вразнобой — правый на полсекунды позже левого, я собирался поправить их с апреля.

У меня не было ничего. Инструкции, прозвища, чартеры и один свежий провод под стойкой.

Но у меня была мисс Эллисон, которая до семьдесят шестого работала в Центральном бюро ставок, и я об этом вспомнил только на третьем светофоре, и всю оставшуюся дорогу ругал себя последними словами, потому что помнить надо сразу.

ГЛАВА 2. ИМЯ В ТЕНИ

Комната бухгалтерии была в конце нашего крыла, за дверью с матовым стеклом, на котором кто-то в семьдесят тре-

тьем написал «НЕ СТУЧАТЬ, Я СЛЫШУ» и потом стёр не до конца.

Я постучал два раза.

— Я слышу, — сказала она. — Но входить можно только после того, как я закончу строку, иначе я потеряю семь минут и найду их в вашем бензине.

Я подождал в коридоре. Из дежурной части пахло жареным луком и дешёвым чаем. Мимо прошёл молодой коп с синяком под глазом и недельной щетиной, кивнул мне как своему. Я кивнул в ответ. В Грейсхолме частников и полицию разделяла фанерная перегородка и тридцать лет, а сверху — один и тот же протекающий потолок.

Потом она сказала: «Входите».

Мисс Эллисон сидела за дубовым столом, который был больше её в три раза и достался конторе вместе с арендой. Папки, журналы, стопка бланков, механическая счётная машина «Фасит» — та, которую она называла «моё маленькое чудо», и которая щёлкала, как очень вежливый сверчок. Пахло лавандовой водой и бумагой. Светлые волосы в низком пучке, две пряди выбились вдоль шеи и жили там уже давно, отдельно от порядка. Простое платье цвета топлёного моло-

ка. Тонкие часы «Ориент» на левом запястье — единственная дорогая вещь, которую она себе позволила, и я знал, что она купила их в семьдесят шестом, когда ушла из бюро, и что она называла это «памятью о побеге».

На указательном пальце — чернильное пятно. Всегда. Она писала от руки, потому что не доверяла машинке то, что должно быть точным.

— Что на этот раз, — сказала она, не поднимая глаз. — Опять бензин?

— Инструкция четырнадцать.

Она подняла глаза.

Серо-зелёные, с золотом у зрачка, и в них сразу появилось то, чего я боялся: понимание.

— Кто вас послал? Лэнг?

— Дорис Лэнг. Она сказала, что у неё мама на Тарн-стрит.

Эллисон отложила ручку. Очень аккуратно, колпачком к себе.

— У неё действительно мама на Тарн-стрит, — сказала она. — Я её знаю. Я четыре года сидела с ней за одной стойкой.

Она встала, подошла к шкафу и достала оттуда не папку, а сигареты. «Плейерс». Достала одну, помяла в пальцах и не закурила — у нас в крыле нельзя было курить с семьдесят четвёртого, после того как сгорел архив соседнего отдела.

— Я ушла оттуда в мае семьдесят шестого, — сказала она. — Знаете, почему?

— Нет.

— Потому что мне велели переправить три купона задним числом. — Она смотрела на сигарету. — Я отказалась. Меня не уволили. Мне просто перестали давать работу, которая имеет значение. Это делают вежливо, мистер Деккер. Это делают так, что через полгода ты сам пишешь заявление и считаешь, что это твоё решение.

Она положила сигарету обратно в пачку.

— Что вам нужно?

— Всё по Дарку. Три года. И мне нужны не суммы, а часы.

Время пробития купонов.

Она вернулась к столу, села и посмотрела на меня так, как смотрят на счёт, в котором не сходится итог.

— Часы, — повторила она. — Никто никогда не просит часы.

— Значит, я первый.

— Нет, — сказала она. — Второй.

Я не двинулся.

— В понедельник приходил мистер Вейл. — Она произнесла это ровно, глядя в журнал, и только потом подняла глаза. — Он спросил то же самое. Часы. Я подумала, что ослышалась, потому что за четыре года никто ни разу не спросил часы.

— Вы ему дали?

— Я сказала, что подумаю.

— И?

— И он в среду принёс мне копию запроса с подписью помощника городского прокурора. — Она усмехнулась без веселья. — Он всегда приносит бумагу, мистер Деккер. Он не просит — он оформляет.

Я стоял и молчал, и мне было тошно, и тошнота была не от того, что он быстрее.

— Он вежливый человек, — сказала она вдруг, чуть быстрее, чем нужно. — И не такой высокомерный, как все думают.

Я посмотрел на её палец с чернилами.

— Я не буду ему передавать, — сказал я. — Обещаю.

Она покраснела — не сильно, только на скулах, но для женщины, которая держит себя в железной упряжке, это было всё равно что подписанное признание. И мне стало не хорошо, а стыдно, потому что я понял, что стою тут и радуюсь чужому смущению, как мальчишка.

— Мисс Эллисон…

— Клэр, — сказала она.

Я не сразу понял.

— Что?

Она уже смотрела в журнал, и лицо у неё было каменное.

— Ничего. Это я не вслух. — Щёлкнула «Фасит». — Дайте номер счёта.

Я дал.

Она позвонила — не в бюро, а куда-то ещё, и говорила полторы минуты, и голос у неё был другой: сухой, быстрый, без единого лишнего слова, голос человека, который звонит не просить, а напоминать. Я услышал только: «…тогда ты помнишь, кто это сделал в мае семьдесят шестого». Потом трубку.

— В три придёт курьер, — сказала она. — Копии за три года, включая реестр пробития. Это будет стоить мне одного одолжения, которое я берегла.

— Зачем вы это делаете?

Она подняла глаза, и в них не было ни смущения, ни лаванды, ни тепла.

— Потому что мне однажды велели переправить три купона, — сказала она. — И я до сих пор не знаю, что там было. А теперь кто-то опять просит часы. Значит, я не сошла с ума. Мне этого достаточно.

Потом добавила, уже тише:

— И будьте осторожны. Люди, которые умеют обманывать анализы, обычно умеют и обманывать людей. А это гораздо проще.

* * *

Курьер пришёл в десять минут четвёртого. Я разложил бумаги на столе, как карту чужой жизни, и лампа накаливания дрожала над ними, и город за окном смотрел мне в затылок.

Общая картина была та, которую я ожидал. До весны семьдесят девятого — мелкие ставки, случайные люди, ничего. После — тихий, расчётливый поток, не кричащий, а ползучий, как ртуть по стеклу.

И один счёт.

> **Мартин Холлоуэй. Счёт № 4482-В.**

>

> Двенадцать ставок за пять месяцев. Все выигрышные.

Не конторы. Не компании. Не десять подставных лиц. Один докер с одной ставкой в месяц.

Он ставил не на победу. Он ставил на время финиша — коридор в три десятых секунды. Я вытащил три купона и положил рядом с протоколами федерации, которые Эллисон приложила по своей инициативе, потому что она была лучше меня в том, чтобы понимать, чего человеку не хватит.

> **12 апреля, Кингсфилд.**
> Протокол: 10.4. Судейская коллегия — ручной секундомер, три судьи, десятые.
> Купон: 10.20 — 10.50.
>
> **3 июня, выездной старт.**
> Протокол: 10.3. Ручной.
> Купон: 10.10 — 10.40.
>
> **17 августа, Кингсфилд.**
> Протокол: 10.2. Ручной.
> Купон: 10.00 — 10.30.

Я сидел и смотрел на это минут двадцать, и мне мешало

то, что мешало бы любому: три десятых — это не чудо. Это нормальный разброс. Ветер, дорожка, нервы, завтрак. Приличный спринтер в стабильной форме укладывается в три десятых сам, без всякой химии. Двенадцать попаданий подряд — подозрительно, но не доказательно, и любой адвокат разложит это на присяжных за десять минут.

Потом я взял линейку.

Не для красоты. Я четыре года читал чертежи, и у меня глаз натренирован на одно: на середину допуска.

> 12 апреля: коридор 10.20–10.50. Середина — **10.35**.
>
> 3 июня: коридор 10.10–10.40. Середина — **10.25**.
>
> 17 августа: коридор 10.00–10.30. Середина — **10.15**.

Я поднял приложения Эллисон. В конце каждой копии протокола, мелким шрифтом, стояла приписка: показания установки электронного хронометража, установленного на стадионе Кингсфилд частным лицом, «для информационных целей, не является официальным результатом».

> 12 апреля: **10.35**.
>
> 3 июня: **10.25**.
>
> 17 августа: **10.15**.

Я положил линейку.

Двенадцать раз. Двенадцать раз середина коридора совпадала с электронным временем — до сотой. Не «попал в интервал». Не «угадал примерно». **Середина.** Каждый раз.

Я вставил сигарету в зубы и просидел так, наверное, минут десять, чувствуя, как во рту становится горько от бумаги.

Потому что человек, который угадывает, ставит коридор с запасом на удачу — влево или вправо, где ему кажется. Человек, который знает номинал, ставит коридор вокруг номинала. Симметрично. Как ставят допуск на детали: плюс-минус пятнадцать сотых от размера, который тебе назвали в чертеже.

Холлоуэй не угадывал результат.

Ему называли размер.

И размер он знал не из протокола, потому что официальный протокол был в десятых и выходил через сорок минут после забега. Он знал сотые. Он знал то, чего не знали судьи.

Я перевернул купоны и посмотрел на штампы.

> 12 апреля. Пробит **14:20**.
>
> 3 июня. Пробит **11:05**.
>
> 17 августа. Пробит **15:40**.

Я взял трубку и позвонил в порт, в табельную, и попросил Стиви Марча, который двадцать лет отмечал чужие руки и который был мне должен за то, что в семьдесят третьем я вытащил его сына из сухого дока, когда там дали воду.

Стиви поднял книги за пять минут и прочёл мне три строки.

> 12 апреля, 14:20 — Холлоуэй М., разгрузка «Мэрион-Стар», трюм № 2.
>
> 3 июня, 11:05 — Холлоуэй М., разгрузка «Мэрион-Стар», причал 4.
>

> 17 августа, 15:40 — Холлоуэй М., там же.

Он помолчал в трубку, потом сказал:

— Рой. Он что, ставки делал прямо из трюма?

— Нет, Стиви, — сказал я. — Он вообще их не делал.

Я положил трубку и записал в блокнот одну строку, и подчеркнул её так, что порвал бумагу:

> **Он не игрок. Он кошелёк.**

Кто-то ставил через чужой счёт. Кто-то, кому нельзя было светить своим. Кто-то, у кого был доступ к электронике и повод не показывать лицо в конторе.

И этот кто-то платил докеру за подпись.

Я посмотрел на часы. Без двадцати пять.

Адрес Холлоуэя Эллисон выписала на обороте квитанции: **Ривервью, 17**.

* * *

Машину я поставил за два квартала, под навесом у закрытой прачечной. Не потому что боялся. Потому что «кортину» на Ривервью знали уже трое, а четвёртого мне не хотелось.

Дом семнадцать стоял в ряду таких же: облупленная краска, палисадник в две ладони, шторы цвета заваренного чая. Дом человека, который встаёт в пять, приходит в шесть, ест и ложится.

Я поднялся на крыльцо и, пока ждал, машинально провёл пальцем по дверному косяку.

Дерево было новое.

Четыре свежих шурупа, шляпки закрашены, но краска не совпала — на полтона светлее, и под ней ещё виднелась шпатлёвка. Наличник меняли целиком. Дверь до этого выбили. Аккуратно, одним ударом, у самого замка, а потом кто-то пришёл и починил, и покрасил, и ушёл.

Я знал этот шов. Так чинят переборку после того, как в неё вошли не через дверь.

Открыла женщина лет сорока, в фартуке, с полотенцем на плече. За её спиной, в глубине прихожей, мелькнул мальчик лет шести с деревянной машинкой в руке, и рядом стоял

красный велосипед с приставными колёсиками.

В прихожей у докера стоял велосипед за девятнадцать фунтов, и рядом с ним — второй телефонный аппарат.

Я смотрел на аппарат дольше, чем следовало.

— Чем могу помочь?

— Добрый вечер. Мартин дома?

— По работе? Он час как пришёл, устал как собака…

— Не по работе. По частному вопросу. Пять минут.

Она помедлила и позвала. Холлоуэй вышел, закатывая рукава, и я увидел руки: мозоли, въевшаяся смазка, сорванный ноготь. Такие руки не подделаешь. Он закрыл за собой дверь — быстро, всем корпусом, как закрывают заслонку.

— Меня зовут Рой Деккер. «Чёрный Пёс», частная лицензия.

Он побледнел ровно на столько, на сколько бледнеет человек, который уже неделю ждёт этого звонка.

— Уезжайте, — сказал он тихо. — Пожалуйста.

— Мартин, я не от них.

— Все так говорят.

Я достал копию купона и развернул так, чтобы ему было видно, а соседям — нет.

— Двенадцатое апреля. Купон пробит в четырнадцать двадцать. — Пауза. — У вас в доке табель. В четырнадцать двадцать вы были в трюме «Мэрион-Стар». Я проверил, прежде чем ехать.

Он смотрел на бумагу и молчал.

— Так кто ставил, Мартин?

Что-то в лице у него сдвинулось — не страх, а облегчение человека, у которого наконец спросили правильное.

— Раз в месяц, — сказал он. — Приходит бумага. Пустая. Я подписываю внизу, где показывают пальцем. Сорок фунтов. Наличными, в конверте, без расписки.

— Кто приносит?

— Не называется.

— Как выглядит?

— Обычный. Пальто серое, перчатки. — Он потёр лицо ладонью. — От него пахло гвоздикой. Знаете, как у стоматолога. Я всё думал — почему у человека так пахнет.

За его спиной звякнула посуда. Он дёрнулся на звук всем телом.

— Дверь вам починили, — сказал я.

— Сказали — обознались адресом. — Он усмехнулся, и это было хуже слёз. — Извинились. На следующий день прислали плотника. Хорошего, аккуратного. Мальчику велосипед привезли. Сказали: живите спокойно, Мартин, никто вас не тронет, вы человек разумный.

— А телефон?

Он оглянулся на дверь.

— Второй номер. Провели во вторник, бесплатно. Сказали — чтобы удобнее было. Чтобы жена не брала трубку. —

Он понизил голос до одного дыхания. — Он звонит только на этот.

Я поднял глаза выше аппарата. От ввода к стене шёл свежий кабель — светлый, ещё не тронутый городской копотью, хомуты новые, медь на зажиме блестит. Неделю от силы. И шёл он не к тому столбу, к которому шли все провода на Ривервью, а через двор, к пролёту за переулком.

Отдельная линия. Не для удобства. Чтобы разговор шёл мимо семьи — и мимо телефонистки, которая знает всех в квартале.

Я с шестнадцати лет знал, как выглядит провод, который никто не должен заметить. Просто раньше это были судовые переборки, а теперь — жилой квартал.

— Мартин. Один вопрос, и я уеду. Кто даёт цифры?

— Я не знаю цифр. — Он сказал это слишком быстро. — Мне их не говорят. Мне говорят: подпиши.

— Значит, вы всё-таки видели того, кто их знает.

Он молчал долго. Дождь начался снова, мелко, по-грейсхолмски.

— Он приезжает по вторникам, — сказал наконец Холлоуэй. — И он никогда не выходит из машины.

— Кто был здесь до меня? Из другой конторы.

— В понедельник. Высокий, в очках. Я ему сказал то же, что вам. Он уехал. — Холлоуэй посмотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде была не просьба, а приговор. — А телефон провели во вторник.

Я не ответил. Он не знал, что говорит, но сказал самое важное за весь день: они узнали не от него. Они узнали, что **к нему ходят**. Значит, дом уже стоял в чьём-то списке, и список обновлялся быстрее, чем я ездил.

Внизу, у калитки, стоял серый «воксхолл». Двое. Передний держал развёрнутую газету и не читал её — за десять минут страница не перевернулась ни разу. И крыло у машины было без единого рыжика. В этом городе так не бывает. Так бывает у машин, которые обслуживают в гараже по счёту.

Я достал спичечный коробок из «Бара на Углу», написал внутри, на сером картоне, номер конторы и свой домашний.

— Это жене. Не вам. Спрячьте не в доме.

— Мне нельзя…

— Вам нельзя ничего, я понял. — Я вложил коробок ему в ладонь и сжал его пальцы. — Я больше сюда не приеду, Мартин. Никогда. Если я снова появлюсь на этой улице — значит, я идиот, и вы имеете полное право меня прогнать.

Это была ложь, и мы оба это знали, и она была единственной добротой, которая у меня оставалась.

Дверь закрылась. Штора шевельнулась. Я пошёл к машине не оборачиваясь, и на углу, проходя мимо почтового ящика, опустил в щель пустой конверт с написанным на нём адресом — старый приём: если конверт исчезнет к утру, значит, ящик проверяют не почтальоны.

В зеркале «воксхолл» стоял.

* * *

База «Скорость и Честь» была на востоке, за путями: два здания, гаревая дорожка, вывеска с облупившимся лавровым венком. Ворота были на цепи, цепь висела на открытом замке — ржавом, старом, с залипающим механизмом.

Я, проходя, дёрнул его от нечего делать, профессиональная привычка: замок не закрылся с первого раза, пришлось надавить большим пальцем. Я вытер руку о штаны и подумал, что здесь не меняли ничего с войны.

Внутри пахло резиной, потом и дешёвым одеколоном, которым ассистент поливал раздевалку, потому что других средств борьбы с запахом у него не было. Ассистента звали Дэнни, ему было девятнадцать, и он бегал за мальчишками с секундомером, который держал как держат первый в жизни инструмент.

По дорожке бегали мальчишки лет десяти. Виктор Рэнсом стоял у дальней стены, скрестив руки, и смотрел на них так, как смотрят на огонь, который может погаснуть.

Он заметил меня, нахмурился, подошёл, оглянулся на детей и потянул в сторону раздевалки. Из заднего кармана у него торчала записная книжка — коричневая, разбухшая вдвое от вклеенных протоколов, с загнутыми углами. Такая книжка бывает у человека, который двадцать лет записывает каждое время каждого мальчика и не выбрасывает ни одного.

— Вы опоздали, — сказал он тихо. Не с упрёком — с тревогой.

— Откуда вы знали, что я приеду?

— Потому что вы пришли к Холлоуэю, а он позвонил мне. — Рэнсом сжал мою руку выше локтя, как делают, когда хотят быть услышанными до конца. — Это я отправил письма. В обе конторы. Я хотел помощи. И я не хочу, чтобы кто-то узнал, что мы говорили. Ни федерация, ни спонсоры, ни те, кто за ними.

— Почему в две?

Он посмотрел на меня как на дурака, и в этом взгляде было столько усталости, что я пожалел о вопросе.

— Потому что одну контору можно купить, — сказал он. — Я двадцать лет работаю с людьми, у которых нет денег, мистер Деккер. Я знаю, что покупается всё. Но двух врагов сразу — не покупается. Один всегда побежит рассказывать.

Это была самая умная мысль, которую я услышал за день, и её высказал человек в стоптанных ботинках, стоявший в раздевалке, где воняло дешёвым одеколоном.

— Кто «те»?

— Не сейчас. Не здесь. — Он бросил взгляд на окно. — Они могут достать меня. И вас. Особенно если решат, что мы объединились.

— Тогда где?

Он помедлил.

— Завтра. Вечером. «Бар на Углу». Восемь. Приходите оба. Я расскажу всё. Но только там. И только втроём.

— Хорошо. Я передам Вейлу.

— Передайте… и скажите, пусть не приходит раньше. И не позже. Восемь. Точно.

Я уже был в дверях, когда он сказал мне в спину:

— Мистер Деккер. У него мать в Драмморе. У Кайлена. Он хороший мальчик был. Я его с одиннадцати лет веду.

Я обернулся. Рэнсом смотрел в пол.

— Я не знаю, что с ним сделали, — сказал он. — Но я знаю, что он больше не потеет на финише. Он бежит сотню и не потеет. Я двадцать лет смотрю на людей, которые бегут

сотню. Так не бывает.

* * *

Вейл стоял у капота своего «олдсмобиля» с бумажным стаканчиком кофе. Смотрел на меня с той усмешкой, которая у него означала, что он всё уже видел и ждал, когда я догоню.

— Граф, — сказал я. — Долго же я возился.

— Почему ты не предупредил меня? Или Кроу? Ты был у Холлоуэя в понедельник.

Он сделал глоток.

— Знал, что ты приедешь туда сегодня. Рано или поздно. А предупреждать — значит терять преимущество.

— Человек остался без двери, Вейл.

— У человека была дверь до меня. — Он сказал это без всякой защиты, ровно. — Я приехал, а наличник уже был новый. Я думал, что это давность. Теперь ты говоришь — вторник.

Мы помолчали.

— Эллисон сказала, что ты просил часы, — сказал я.

— Просил.

— Она сказала, что за четыре года никто не просил часы.

— Я знаю, — сказал Вейл. — Я работал в порту два года, Рой. Уоллис научил меня одному: смотри не на сумму. Сумму придумывают. Смотри на время. Время придумывать лень.

Он поставил стаканчик на капот.

— Я всегда первый, — сказал он. — Не только в работе.

Я понял намёк. Эллисон. Я не стал развивать тему — не потому что было не время, а потому что мне нечего было сказать, кроме правды, а правду я не собирался говорить даже себе.

— Рэнсом хочет завтра в восемь. «Бар на Углу». Втроём. Он сам разослал письма. Боится за жизнь.

— Логично. Тренер знает, как и когда вводили. Значит,

знает и кто.

— Нужно прикрыть его. И Холлоуэя.

— Уже. — Вейл достал блокнот — тонкий, в дерматиновой обложке, с золотым уголком. — Сержант Хейл, патрульная служба. Машины будут проходить мимо обоих домов каждые два часа. Без остановок. Просто присутствие.

— Что ты ему за это?

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Дело о пропавшей девушке. Семьдесят седьмой год. Он три года не мог закрыть, я закрыл за месяц и отдал ему. Он мне это помнит. — Вейл убрал блокнот. — Услуга — это единственная валюта, которая не обесценивается, Рой. Деньги обесцениваются. Услуга — нет.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто не опаздывай завтра. Я ненавижу ждать.

— А я ненавижу, когда за мной приходят без стука.

Мы обменялись коротким взглядом — не враждебным. Между нами было соперничество, и в тот вечер к нему впервые примешалось что-то ещё, чему я тогда не дал названия.

Мы разъехались в разные стороны, оставив на мокром асфальте два следа шин, которые дождь стёр за минуту.

* * *

Дома я зажёг настольную лампу и открыл блокнот.

> **12 сентября 1979**
>
> Холлоуэй — не игрок. **Кошелёк.** Подпись за 40 фунтов. Табель дока против штампа на купоне — 3 из 3.
>
> Коридор в 3 десятых — не улика. Улика — **середина**. 12 из 12 середин совпадают с электронным временем до сотой. Официальный протокол — в десятых. Значит, он знает то, чего не знают судьи.
>
> Он ставит не на результат. Он ставит на **номинал**. Ему называют размер.
>
> Второй телефон у Холлоуэя — проведён бесплатно во вторник, отдельной линией через двор. Тот же ввод, что под

стойкой в бюро № 4. Один подрядчик.

>

> Дверь выбивали и починили. Велосипед за 19 фунтов. «Живите спокойно».

>

> Пахло гвоздикой.

>

> Рэнсом — инициатор. Разослал в две конторы **специально**. Умный.

>

> Дарк не потеет на финише.

>

> «Феникс Спорт Инвест» — свет на Кингсфилде и раздевалки на базе. Телефон выписан.

>

> Вейл был у Холлоуэя в понедельник. Не сообщил. Услуга Хейлу — 1977 год.

>

> Уоллис, портовый бухгалтер, утонул в воде по колено.

>

> Завтра: «Бар на Углу», 20:00. Втроём.

Я закрыл блокнот и посмотрел на первую страницу — на три строчки, выведенные год назад аккуратным почерком человека, который ещё ничего не знал.

> *Не опаздывать.*
>
> *Не приходить один.*
>
> *Не верить никому — пока не услышишь всё.*

Я потушил свет и лёг.

За окном город лежал под дождём, весь перепроводённый, весь прошитый свежей медью, и я не знал об этом ровно ничего.

ГЛАВА 3. БАР НА УГЛУ

Четверг, 13 сентября 1979

Я приехал в двадцать минут восьмого. Вейл, разумеется, уже сидел.

«Бар на Углу» стоял на углу Кэнон-стрит и Милл-роуд и название своё оправдывал честно: две двери, ни одной прямой стены, потолок, закопчённый до цвета крепкого чая. Пахло коричневым элем, мокрой шерстью и жжёной пробкой. В углу играл автомат — не музыка, а её остаток. Бармен Фрэнк, хромой с семьдесят пятого, протирал стакан, который был чист ещё при короле Георге.

Вейл занял стол в глубине: обзор на оба входа, спина к стене, свет сзади. Перед ним стояли два виски. Один нетронутый.

— Ты пьёшь моё? — спросил я, садясь.

— Я его купил. Это не одно и то же. — Он был при галстуке, ослабленном ровно на палец. — Ты опоздал на двадцать минут.

— Я приехал раньше.

— На двадцать минут позже, чем нужно, чтобы осмотреть помещение до того, как в него войдёт человек, которого ты собираешься слушать. — Он чуть поднял стакан. — Впрочем, ты всё равно осмотрел. Я видел, как ты смотрел на потолок.

— На провод.

— Разумеется, на провод. — И тут он улыбнулся по-настоящему, впервые за неделю. — Однажды ты объяснишь мне, что там такого, и я перестану считать тебя сумасшедшим.

Я показал ему большим пальцем за плечо, не поворачи-

ваясь.

— Ввод свежий. Недели три. Кабель новый, хомуты новые, идёт не от уличного столба, а через двор. И под стойкой у Фрэнка второй аппарат. Я видел провод, когда он наклонился за открывашкой.

Вейл поставил стакан.

— В баре два телефона.

— В баре два телефона, — согласился я. — У докера на Ривервью — то же самое. В бюро номер четыре — то же самое. Тот же тип хомута. Та же рука.

— Или тот же подрядчик.

— В Грейсхолме один подрядчик, который работает бесплатно.

Вейл молчал секунды три. Для него это была долгая пауза.

— Мне это не нравится, — сказал он наконец, и в его голосе впервые не было ни иронии, ни лака. — Мне это очень не нравится, Рой.

В восемь ноль-ноль вошёл Виктор Рэнсом.

Не в восемь ноль-две. Не в восемь ноль-пять. В восемь ноль-ноль, как поезд, и вот это было первое, что мне не понравилось.

Второе — пальто. Новое, тёмное, ещё жёсткое в плечах, из тех, что не мнутся в машине. Под ним — старые ботинки, стоптанные с внутреннего края, как у человека, который двадцать лет стоит на дорожке, чуть заваливаясь внутрь. Новое пальто на старых ботинках. Я это уже видел вчера, в прихожей у Холлоуэя, только там был велосипед.

Третье — руки. Тренер, который сутки назад хватал меня выше локтя, чтобы я дослушал, теперь положил ладони на стол и держал их спокойно. Совершенно спокойно. Так держат руки люди, которых больше ничего не пугает.

— Виктор.

— Мистер Деккер. Мистер Вейл. — Он сел, не снимая пальто. — Спасибо, что пришли оба.

— Вы просили втроём, — сказал Вейл. — Мы исполнили. Теперь говорите.

И Рэнсом заговорил.

Он говорил гладко. Он назвал Дарка, назвал некоего Тайлера из федерации, сказал, что всё делается через подставных лиц, что он подозревал, но не знал, что молчал из страха за базу и детей, что письма написал в отчаянии. Всё это было правдоподобно. Всё это складывалось. И всё это было заготовлено: я слушал человека, который сдаёт зачёт по выученному билету.

Вейл разобрал его вежливо, как разбирают часы.

— Кто вводит?

— Не знаю.

— Кто платит?

— Не знаю.

— Кто привозит?

— Не знаю. — Рэнсом смотрел ему в глаза ровно и спокойно. — Я тренер, мистер Вейл. Я ставлю технику бега мальчишкам, которым десять лет. Я не знаю, кто платит.

— Но в понедельник вы знали достаточно, чтобы написать в два агентства, которые тридцать лет друг друга ненавидят, — сказал Вейл. — Это не поступок перепуганного человека. Это расчёт. Кто вам объяснил, что так будет надёжнее?

Рэнсом моргнул. Один раз.

Я положил на стол сигарету — незажжённую, как всегда, — и он посмотрел на неё так, будто это был нож.

— Виктор, — сказал я. — Кто вам купил пальто?

В баре стало очень тихо. Автомат доигрывал своё.

Рэнсом опустил глаза на собственные рукава. Провёл ладонью по ткани — медленно, как гладят чужую собаку.

— Хорошее пальто, — сказал он. — Тёплое.

Потом достал из кармана конверт и секундомер и положил рядом.

Секундомер был механический, тяжёлый, латунь потёртая до золота, на крышке гравировка: «В. Р. — за терпение. 1968». Он положил его циферблатом вверх и убрал руку.

— Возьмите. Мне он больше не нужен.

Тренер, который отдаёт секундомер. Я тогда понял всё, но у меня не было ещё слов. Слова пришли позже, ночью: **он уже перестал считать.**

— Что в конверте?

— Стартовые протоколы. Копии. И счёт на бланке одной фирмы. — Он выдохнул. — «Феникс Спорт Инвест». Я не знаю, кто они. Я знаю только, что они платят за свет на базе и за ремонт раздевалок, и что после них у меня перестали спрашивать, откуда деньги.

Вейл уже тянулся к конверту.

И зазвонил телефон.

Не тот, что стоял на стойке. Второй, под стойкой — глухой, придавленный деревом звук, которого в этом зале не должно было быть.

Фрэнк наклонился, взял трубку, послушал две секунды. Не спросил «кто». Не сказал «алло». Он выпрямился, посмотрел в глубину зала — прямо на наш стол — и произнёс ровным голосом человека, который делает это не в первый

раз:

— Мистер Деккер. Вам.

Вейл очень медленно положил руку мне на запястье.

Я встал и пошёл к стойке. Двадцать два шага, я их посчитал. Фрэнк поставил трубку на дерево и вернулся к своему стакану, не глядя на меня.

— Деккер.

— Добрый вечер, мистер Деккер. — Голос был мягкий, немолодой, с той вежливостью, которая бывает у людей, никогда не повышавших тон, потому что им это не требуется. — Простите, что через бар. Прямой номер вы бы не взяли.

— Кто это?

— Это не имеет значения. Имеет значение другое. У вас в зубах сигарета. — Пауза, короткая, вежливая. — Зажгите. Вам будет легче.

Я не двинулся. В лице у меня, кажется, тоже ничего не двинулось, но по спине пошло холодом — потому что от стойки меня не было видно ни из окна, ни от двери. Только

из глубины зала. Только через зеркало за бутылками.

Я повернул голову на градус. За улицей, напротив, стоял серый «воксхолл». Без рыжики на крыле.

— Виктору не нужно ходить по конторам, — сказал голос. — Он человек семейный, у него база, мальчишки. Пусть вернётся к столу и допьёт то, что ему нальют. — Пауза. — Он ведь встал, верно?

Рэнсом стоял. Я видел его в отражении — в новом пальто, с прямой спиной, как человек, которого вызвали к директору.

— Что вам нужно?

— Чтобы вы не опаздывали, мистер Деккер. — Голос чуть улыбнулся. — Вы уже опоздали.

Щелчок. Короткие гудки.

Я положил трубку. Фрэнк протирал стакан.

Когда я вернулся к столу, Вейл уже держал конверт двумя пальцами, как держат дохлую мышь.

— Улицы я знаю, — сказал он тихо. — Кэнон-стрит видна от зеркал. Он смотрел не в окно. Он сидит внутри, Рой. Он сидит здесь.

Мы обвели зал глазами. Двое у автомата. Старик с собакой. Мужчина в кепке над газетой.

Газета не перевернулась ни разу.

Рэнсом сел, взял свой стакан и выпил до дна — виски, которое он не заказывал и которое кто-то поставил перед ним, пока мы говорили. Я не заметил, кто. Фрэнк не заметил. Вейл заметил и промолчал, и я понял это по тому, как он смотрел на пустой стакан.

— Виктор, — сказал я. — Где вы ночуете сегодня?

— Дома, — сказал Рэнсом. — Со мной всё в порядке. Со мной уже всё в порядке, мистер Деккер. Вы не понимаете. Это самое хорошее, что со мной случилось за год.

Он встал, застегнул новое пальто на все пуговицы и вышел в восемь сорок одну.

Мы с Вейлом не сговариваясь пошли за ним через десять секунд. Его машина стояла на месте, целая, с целыми стёк-

лами. Он завёлся с пол-оборота и уехал в сторону базы, аккуратно, с поворотником на пустом перекрёстке.

— Он не поедет домой, — сказал Вейл.

— Не поедет.

— Ты понял про пальто?

— Я понял про пальто вчера.

Вейл снял очки и протёр их платком — единственный жест, который я у него видел не отточенным.

— Тогда почему ты молчал?

— Потому что я думал, что успею.

Мы стояли под козырьком, и дождь шёл мимо нас, и Вейл смотрел куда-то в сторону Милл-роуд.

— Рой. В понедельник я был у докера. Я сказал ему уехать и уехал сам. — Он надел очки. — Я думал, что защищаю преимущество. Я, кажется, подписал ему что-то.

Я не сказал ему, что подумал то же самое. Не потому что

щадил. Потому что если сказать вслух — придётся потом с этим жить.

* * *

Я поехал на Ривервью. Не потому что решил, а потому что колёса сами повернули.

Дом семнадцать был тёмный. Не «выключили свет» тёмный — тёмный, как бывают тёмными дома, из которых вынули людей. Шторы распахнуты настежь, обе. Дверь приоткрыта на ладонь, и в щели не было ничего, кроме сквозняка.

Свежий кабель висел, вырванный с мясом, и медь на зажиме блестела даже в темноте — единственная светлая вещь на всей улице.

На мокром газоне, под дождём, лежал красный велосипед с приставными колёсиками. Картонная бирка на руле размокла и обвисла.

Я стоял у калитки, наверное, минуты три. Потом достал сигарету и не стал её даже брать в зубы.

Патруль Хейла прошёл через сорок минут. Я стоял в тени прачечной и смотрел, как машина медленно проезжает ми-

мо тёмного дома, светит фарой в палисадник и едет дальше. Ровно по графику. Каждые два часа. Всё как договорились.

* * *

Дома я сел под лампу и открыл блокнот.

> **13 сентября 1979**
>
> Рэнсом — сломан. Пальто новое, ботинки старые. Отдал секундомер. Сказал: «со мной уже всё в порядке».
>
> В баре знали моё имя. Смотрели через зеркало. Фрэнк берёт вторую трубку и не спрашивает «кто».
>
> «Феникс Спорт Инвест» — свет и раздевалки.
>
> Холлоуэев нет. Дверь открыта. Кабель вырван. Велосипед на газоне.
>
> Патруль прошёл в 23:40. По графику.
>
> *Не опаздывать.*
>
> *Не приходить один.*
>

> *Не верить никому — пока не услышишь всё.*

Я закрыл блокнот и долго сидел, глядя на первую страницу.

Потом я всё-таки достал спички.

И не зажёг.

ГЛАВА 4. ОТСТОЙНИК

Пятница, 14 сентября 1979

Я позвонил на базу в двадцать минут девятого. Трубку взяли не сразу.

— «Скорость и Честь».

— Дэнни? Это Деккер. Рэнсом на месте?

Молчание было секунды три, но в нём уместилось очень много.

— Тренировки отменены, — сказал ассистент.

— Я не про тренировки.

— Мистер Рэнсом не приедет.

— Дэнни.

— Он не приедет, — сказал Дэнни, и голос у него сорвался на середине фразы, как срывается у мальчишки, которому велели не плакать. — Пожалуйста, не звоните сюда больше.

Я услышал, как в трубке кто-то рядом сказал «положи», и он положил.

Я приехал через двадцать минут. Ворота были на цепи, цепь — на новом замке. Не на том, что висел ещё в среду: тот был ржавый, с залипающим механизмом, я его дёрнул и запомнил. Новый был латунный, дешёвый, ещё в магазинной смазке.

Контора одевает своих. И запирает за ними.

Я поехал на восток, потому что больше было некуда, и на полпути меня догнала полицейская машина и мигнула фарами. Хейл.

— Тебе лучше не туда, — сказал он, высунувшись. — Отстойник.

— Что — отстойник?

Хейл посмотрел на меня долгим взглядом человека, которому велели ничего не говорить и который очень устал ничего не говорить.

— Сталелитейный. Старый отстойник за третьей проходной. Туда утром полез кинолог с собакой, тренировка. — Он сглотнул. — Рэнсом.

* * *

Отстойник был бетонной чашей в земле, двадцать на двадцать, построенной в сороковых, чтобы заводская вода отстаивалась перед сбросом в реку. Завод перешёл на другую схему в шестьдесят восьмом, чашу оставили. Вода в ней стояла чёрная, с масляной радугой, и по краям росла трава, которой не следует расти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.